

Метафоры старости в туристической и панорамной литературе в России (1880-1910)

La métaphore de la vieillesse dans la littérature de voyage et la littérature panoramique en Russie (1880-1910)

Old age in practical travel and panoramic literature in Russia (1880-1910)

Yana Payoli

🔗 <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=746>

DOI : 10.35562/modernites-russes.746

Electronic reference

Yana Payoli, « Метафоры старости в туристической и панорамной литературе в России (1880-1910) », *Modernités russes* [Online], 22 | 2023, Online since 06 juin 2024, connection on 28 juin 2024. URL : <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=746>

Copyright

CC-BY

Метафоры старости в туристической и панорамной литературе в России (1880–1910)

La métaphore de la vieillesse dans la littérature de voyage et la littérature panoramique en Russie (1880–1910)

Old age in practical travel and panoramic literature in Russia (1880–1910)

Yana Payoli

ТЕХТ

- 1 Термин панорамная литература нуждается в кратком пояснении. Он был введен в оборот немецким философом и литературным критиком Вальтером Беньямином (1892–1940). Согласно его определению, панорамная литература — это серии эскизов, в которых на первом плане выступают человеческие типажи, а всё богатство фактов и сведений составляет широкую перспективу на заднем плане [Benjamin, 1989: 37]. К такой литературе относятся французские физиологические очерки, описания характеров, нравов, «картинки» повседневной жизни. «Физиологии» имеют прямую связь с изобразительным искусством. С конца XVIII века панорамные инсталляции, то есть «живые картины», диорамы, создающие эффект присутствия [Мильчина, 2017: 5–6], становятся популярным развлечением широкой публики. Одновременно и литературные панорамы начинают пользоваться успехом у читателей. В частности, во Франции в эту эпоху выходят многотомник Мерсье *Картины Парижа*, очерки Люше, коллективные многотомники *Новая картина Парижа в XIX веке* и *Французы, изображенные ими самими*.
- 2 Русская литература не знает точных аналогов панорамной литературы, сравнимых по популярности у читателя с французскими образцами. Традиционно российская литературная критика называет «панорамами русской жизни» романы-эпопеи, как например, романы Льва Толстого или же менее объемные художественные произведения, отражающие повседневную жизнь общества, такие как *Евгений Онегин* Пушкина или *Горе от ума* Грибоедова. Однако и в русской

литературе XIX века мы найдем увлекательные очерки под названиями: «панорама», «зеркало», «картина-путеводитель». В них авторы подробно анализируют различные стороны русской или иностранной жизни: нравы, обычаи, образование, географию, урбанизм, искусство, историю. Разумеется, их влияние на литературную жизнь и читательский интерес к ним в России незначительны. В XIX веке роль таких физиологических очерков часто брала на себя литература путешествий. Путевые заметки и путеводители повествовали о нравах, об обитателях городских кварталов, представителях профессий, изображали «картины из жизни». Подойдем к практической литературе путешествий именно с этой сравнительной точки зрения.

- 3 Подобно панорамной литературе, утилитарные туристические труды относятся к гибриднему жанру с нечёткими границами [Stiénon, 2012: 11]. В XIX веке и эссе, подражающие французским физиологиям, и путеводители представляли собой сборники с большим количеством пространных описаний, наполненных анекдотами и поэтическими экзерсисами, которые соседствовали с географическими и статистическими данными, практическими советами и рекламными объявлениями. Таким образом, общие жанровые черты панорамной и туристической литературы располагают к сравнительному рассмотрению образов старости. Данное сравнение и является нашей задачей.
- 4 Предположительно можно ожидать, что панорамная литература, тяготеющая к описанию типажей, характеров и нравов, склонна к портретам, в то время как практическая литература путешествий, призванная представить читателю неизвестную ему местность, город, страну, отдаст предпочтение пейзажам. Анализ корпуса показывает, что это не совсем так. Не столько тематика, сколько жанровые особенности будут играть первостепенное значение в репрезентации старости в изучаемых нами текстах.
- 5 Как было отмечено выше, в силу своей специфики, практическая литература путешествий содержит большое количество описаний мест. Для репрезентации пространства авторы нередко используют сравнения и устоявшиеся метафоры. Например, говоря о Париже, называют его «лабиринтом» или «непроходимым лабиринтом» [ПП, 1900: 51], «муравейником» или

«современным Вавилоном» [Михневич, 1891: 321, 161]. Поскольку задача путеводителя — помочь путешественнику быстро освоиться в незнакомом городе, гиды охотно прибегают к топонимическим метафорам, оригинальным или заимствованным из прессы, из художественной литературы, из других гидов. Описание неизвестного пространства совершается, таким образом, через обращение к знакомым читателю представлениям о других местностях, часто более «престижных». Так, в путеводителях и некоторых физиологических очерках Санкт-Петербург превращается в «Северную Пальмиру»¹ [Башуцкий, 1834: 133], Аренсбург — в «Северную Флоренцию» [Мержеевский, 1914: 255], Люцерн — в «Швейцарский Неаполь» [Филиппов, 1907: 167], Цюрих становится «швейцарскими Афинами» [РГ, 1911: 257], Авиньон — «французским Римом» [Гельвальд, 1898: 102], Варшава — «маленьким Парижем» [Михневич, 1881: 50], Алупка — «Альгамброй южного берега Крыма» [ПК, 1866: 35], а Кавказ и Крым — «Русской Ривьерой» [Еленин, 1901: 7; Святловский, 1902; ЛМР, 1915, IX-XI]. Некоторые из этих сближений мест по сходству, желаемому или действительному, нам хорошо знакомы, другие — менее тривиальны, но все они в какой-то мере «переносят в атмосферу иллюзии и мечты» [Konrad, 1958 : 136].

- 6 Перейдем непосредственно к метафорической персонификации мест. Олицетворение городской среды или «метафорический переход от неодушевленного к одушевленному» «расширяет вербальную сущность» [Ricoeur, 1975 : 81] репрезентируемого пространства. Особое предпочтение отдают ей создатели путеводителей. И в панорамной, и в туристической литературе городам приписывается особая внешность, характер, нрав, поведение людей. Например, автор *Русских за границей* утверждает, что Милан имеет «наиболее современную физиономию из всех итальянских городов» [РГ, 1911: 386]. Выражение физиономия города получило в XIX веке широкое распространение. Мы находим эту метафору и в путевых записках Анненкова, и в критической статье *Отечественных записок*, посвящённой «Материалам для статистики Российской империи», и в школьном сочинении Лермонтова², озаглавленном, что небезынтересно в

нашем контексте, *Панорама Москвы* [Лермонтов, 1891: 296-299]. Другим популярным антропоцентрическим уподоблением является сравнение города с живым организмом: Невский проспект — «главная артерия города» [Башуцкий, 1834: 85], Большие бульвары в Париже — место, «где сильнее всего бьется пульс интернациональной жизни» [Горлов, 1906: 64], Москва — «сердце России» [МКП, 1883: 3]. Нам встречались и такие примеры как: «блестящий щеголь Париж», «вечно хлопочущий, вечно занятый Лондон» [Скавронский, 1866: 69], Вена «во всей роскоши своего одеяния» [ПП, 1900: 192]; «Адриатическая красавица» Венеция [РГ, 1911: 403], «изящная» Флоренция, Берлин, теряющий свой «прежний ультранемецкий характер» [Филиппов, 1906: 169, 191], «крикливый» Париж [Михневич, 1891: 324], Чикаго, чей «молодой полный силы организм» возрождается после разрушительного пожара 1871 года [Леонард, 1893: 60].

- 7 Если топонимы, как мы видим, часто наделяются свойствами человека, то характеристики возраста в этом метафорическом дискурсе весьма ограничены. Путеводители в основном избегают употребления терминов «старость» (или «молодость») и возрастных этапов вообще. Прилагательное «старый» в них относится к старине, оно синонимично прилагательным «старинный» и «древний» (старый Лион, старая церковь, старинный замок). Путеводители оперируют скромным набором эпитетов в положительной или сравнительной степени: большой, маленький, старый, новый, интересный, красивый, живописный. Речь печатных гидов вообще стереотипна, она не отличается разнообразием и лексическим богатством. Тем любопытнее обратить внимание на редкие метафоры возраста и его возможных характеристик в практической литературе путешествий. Например, выражения «почтенного вида старый Люцерн» [Швейцария, 1911: 45], или утес, который «стоит, как старый дед, на страже, чтобы защищать Ниццу» [Чачков, 1876: 229] подразумевают не столько богатое прошлое, сколько современное состояние, аккуратность западного города или незыблемость камня, из которого он построен.
- 8 Авторы практической туристической литературы открыто и регулярно признают свой особый интерес к прошлому. Одним из ведущих критериев отбора достопримечательностей является их

принадлежность к «памятникам исторической старины» [Москвич, 1903: 105], как выразился издатель Григорий Москвич, чьи путеводители были прозваны русскими бедкерами. Если в семантической структуре прилагательного *старый* присутствуют как нейтральные (многолетний, многовековой, давнишний т. д.), так и отрицательные оценочные коннотации (дряхлый, ветхий), то *старый-старинный* — означает не только и не просто «долго простоявший», но проверенный временем, надёжный и заслуживающий доверия. В сопряжении со стародавними временами, с прошлыми столетиями, долгое существование — залог ценности и значимости места.

- 9 Дискурс туристической литературы всегда оперирует аргументами в пользу тех мест, которые он описывает. Если тот или иной город не может похвастаться древностью, путеводитель должен выделить другие качества. Возьмём ссылки на давность основания Висбадена и Вильгельмсгафена. Первый — «курорт — старейший в мире, ибо он был известен под именем *Fontes Mattiaci*³ ещё римлянам»; второй — «самый молодой город Германии и все, что в нем может заслуживать внимания, принадлежит к области военно-морского дела» [РГ, 1911: 144, 113]. Другими словами, за неимением древней традиции, автор нацеливает своего читателя на военную специализацию Вильгельмсгафена. Ссылки на новизну редки в путеводителях, но в качестве оппозиции к старости, та или иная недолговечность становится своего рода неизобразенным [Лотман, 1994: 36], характерным для дискурса путеводителей. Ориентируясь на ценность древних памятников, на культурные пласты минувшего, путеводители по умолчанию снижают престиж нового.
- 10 Рассмотрим другую конфигурацию противопоставления *старое / новое*, а именно *привычное/непривычное*, так как путешествующий переходит из знакомой ему среды в малоизвестную или неизвестную.
- 11 Перед путеводителем стоит задача оградить путешественника от неожиданностей, свести до минимума беспокойство, которые всегда вызывает встреча с новым. Приведем пример, подтверждающий данную установку. Автор *Парижа в 14 дней*

объясняет, почему он рекомендует начать знакомство с французской столицей с первой обзорной экскурсии:

Катанье для ориентирования. Каждым иностранцем, приезжающим в первый раз в такой гигантский город, как Париж, овладевает некоторое чувство страха. Даже с револьвером в кармане нельзя от него отделаться в первый день. Он нападает на нас, как лихорадка рампы на актера, как горная болезнь на туриста, который первый раз поднимается на непривычную высоту. Надо прежде всего прийти в соприкосновение с неведомым великаном, а для этого самое лучшее средство — катанье для ориентирования. [Горлов, 1906: 64]

- 12 Далее следуют практические советы по выбору маршрута, информация о ценах на извозчиков и так далее. Главная цель путеводителя — стать надежным спутником туриста, советчиком, заслуживающим доверия, минимизировать страх неизвестности. Все в путеводителях служит выполнению этой задачи: описания, проверка статистических данных, обновление цен, актуализация расписания транспорта и, конечно, стилистические приемы. Путеводители охотно возводят на пьедестал опытность как гарантию надежности: «В Церматте следует обращаться за советами и указаниями к опытным гидам (узнав<ать> в своей гостин<инице>) и отнюдь не доверяться разным посторонним рассказням» [Филиппов, 1907: 183]. У Даля в словарной статье *старый* собраны, помимо прочего, понятия и поговорки, которые возводят старшинство в особое привилегированное «звание», в состояние, ассоциирующееся с опытом и почетом: старшой, староста, старшина, старец, старинничать, старшинство («первенство перед младшими»), старожил, старопоместный, староселы и так далее.
- 13 Резюмируем — в корпусе путеводителей старость сопряжена прежде всего с древностью европейских городов и достопримечательностей; частично она может вбирать в себя положительные коннотации таких понятий как *привычное* или *достойное доверия*.
- 14 Перейдем к возрастным метафорам из физиологических очерков. Эти эссе, тяготеющие к художественности, используют при описании городского пространства отрицательные коннотации

старости. К примеру, о Хитровской площади в Москве говорится так: «выползает отвратительная старуха-Хитровка». Или о бедном студенческом квартале в Козихинском переулке «старая проститутка Козиха», об убогих кварталах — «здесь свила гнездо грязная, растрёпанная старуха — неугомонная забота о завтрашнем дне» [Иванов, 1903: 282, 23, 22]. «Старуха», «растрёпанная старуха» и «старая проститутка» олицетворяют деградацию и безобразие. Происходит процесс, подобный тому, который выделила во французских физиологиях Екатерина Дмитриева: «создаётся некая социальная топография города» [Дмитриева, 2014: 249], закрепляющая за кварталами и населенными пунктами соответствующую семантику «типажей».

- 15 Сопоставим дух города в обоих жанрах нашего корпуса. Путеводители отличаются большей склонностью к осторожности, деликатности и оптимизму, нежели близкие натуралистической литературе физиологические очерки. Императивы рекламного дискурса побуждают авторов путеводителей сосредоточиться на привлекательных чертах описываемой им территории. Они отдают предпочтение эвфемизмам, часто не лишенным иронии, даже когда повествуют о деклассированном социуме. Содержанки — это «парижские сирены» [Ненашев, 1900: 185] или «весёлые дамы» [Мержеевский, 1914: 360]), мошенники — это «множество джентельменов, знаменитых в различных проделках с неопытным ближним» [Ненашев, 1900: 185], или — «отличающиеся подозрительной общительностью и любезностью, “больные, тоже едущие лечиться”» [Лагов, 1913: 5]. Дух города, который путеводителям удастся передать на своих страницах, если верить восторженным отзывам современных им критиков [Лагов, 1913: 77], ограничивается узким понятием «духа как характерных особенностей», в то время как панорамная литература стремится охватить и исследовать более богатую палитру понятий, в том числе и разговорно-просторечных, например, дух как дыхание или как пестрая жизнь и суэта.
- 16 Картины нравов и физиологические очерки стараются исследовать город или квартал со всех сторон и особенно интересуются их изнанкой. Такой подход позволяет панорамной литературе создавать не только красочные зрительные образы, но и пытаться воссоздать звуки и ароматы местности, не беспокоясь

о ее привлекательности. Так, останавливая свое внимание на канализации, на неприятно-резких запахах французской столицы, описывая типы парижан и особенности жилищ старого города, автор путевых впечатлений Заграницей констатирует:

Парижская вонь — вонь историческая: это своего рода испарина многовековой жизни великого города, столько раз омывавшегося кровью своих граждан, столько видевшего в своих стенах бедствий, нищеты и разврата, болезней и преступлений, труда и безделья! [Мехневич, 1891: 335].

- 17 В этом отрывке смрад становится приметой города старого, а долгая история столицы ассоциируется с мытарствами и пороками. Когда же речь заходит о звуках Парижа, автор передает их с помощью метафоры детского возраста и стереотипного представления о детском поведении: «француз — дитя, а дети, как известно, любят шум» [Мехневич, 1891: 326]. Запахи, звуки, движение — один из приемов для физиологий, которые «стремятся уловить жизненную сутолоку, театром которой является большой город» [Rigoli, 2007: 204]. В литературе путешествий олицетворение географических мест также не обходится без репрезентации в той или иной форме звуков и голосов города. Например, автор путеводителя по Ницце, изображая конкуренцию курортных местностей, вкладывает в их уста (в форме прямой речи) типичные для рекламы аргументы:

Пропаганду ведут не отдельные личности, а целые города, даже провинции, промышленяющие тем же продуктом и рассчитывающие на тех же иностранцев. Все побережье Женевского озера от Монтрё до Женевы, Прованс с Иером, Антибом и Канном, Лигурия с С.-Ремо и Ментоною, более или менее принимают участие в хоре: «у нас несравненно лучше, теплее, дешевле» [Чачков, 1876: 1-2].

- 18 Обратимся к метафоризации звуковых характеристик городской среды в гидах. Чаще всего гиды дают краткие и необразные зарисовки городского многоголосия: шум транспорта или его отсутствие, наличие интернациональной публики (звучание иностранной речи), коммерческие практики местных

предпринимателей (крики извозчиков, торговцев, распространителей газет). Что касается языка, путеводители объясняют произношения иностранных слов, напоминают об аргю, учат, как следует изъясняться с извозчиками или как потребовать счёт в ресторане, перечисляют заведения, где путешественник может использовать родной или известный ему язык, включают в себя разговорники и тематические словарики. Другими словами, практическая туристическая литература отдаёт предпочтение рациональному подходу к звуковым характеристикам и только изредка старается затронуть какую-то неуловимую и субъективную струну в сердце читателя-путешественника: «Чтобы судить о Люцэрне с этой точки зрения [чудес природы, Я. П.], достаточно произнести “Люцэрн”: оно уже само есть как бы воплощение идеи красоты» [Люцэрн, 1900: 98]. Панорамная же литература превращает полифонию или какофонию города в средство описания нравов его жителей, описания подробного, образного, иносказательного, с использованием «семантической инновации, с помощью которой воспринимается оригинальная “близость” двух идей» [Ricoeur, 1975 : 10]. Автор *Панорамы Санктпетербурга* настаивает на том, что ухватить жизнь северной столицы можно, взглядевшись и вслушавшись в Невский проспект, «обширное поле для наблюдений нравописателя и философа» [Башуцкий, 1834: 85]. Улица и ее достопримечательности метафорически и метонимически рисуют последовательные периоды жизни горожанина от рождения до смерти: все спешат на «Невский проспект, начинающийся Экономическим Обществом, проходящий через все обольщения и роскоши жизни и оканчивающийся монастырем и кладбищем» [Башуцкий, 1834: 86]. Автор *Путеводителя от Москвы до Санктпетербурга и обратно* выбирает в предисловии аналогичную, но крайне банальную формулировку: жизнь и большая дорога — синонимы!... [Дмитриев, 1839: VI].

- 19 Остановимся на книге Ивана Дмитриева. Хоть автор и дал своему произведению название *Путеводитель*, по содержанию он ориентируется на бытописание. Строка за строкой гибридный характер данного труда раскрывается в полной мере, и путеводитель совмещается с очерком-физиологией.

Не имея силы приподнять тяжелого покрыва, сброшенного глубокой древностью, мы не станем разыскивать метрики Новгорода и прикрывать его вековые седины пудрою тысячелетий; но последуем по возможности за бытописателями и расскажем более то, что подтверждается фактами или обстоятельствами, если не достоверными, то приблизительными к истине [Дмитриев, 1839: 328].

- 20 Мы видим, что, во-первых, Дмитриев раскрывает сам свои жанровые намерения. Во-вторых, он отказывается от достоверности и справочной точности, столь важных для авторов гидов. В-третьих, «старость» города не подразумевает у него ни устоев старины, ни красот минувшего, он оперирует не только практически нейтральными (глубокая древность, пудра тысячелетий), но и нелестными возрастными атрибутами (дряхласть). Вековые седины — образ двусмысленный; эпитет (вековые) и множественное число (седины) наводят на мысль об уважении к долголетию города, хотя сама по себе седина неоднозначна.
- 21 В результате сравнительного анализа путеводителей и физиологических очерков можно сделать следующие выводы. Туристическая и панорамная литературы проявляют схожий интерес к описанию географических мест и используют метафорические олицетворения. Однако жанровые рамки, характерные для путеводителей, вносят ограничения в использование возрастной образности. Семантическое поле старость (долголетие, древность) подвергается усечению и сводится к аксиологии упорядоченной и привлекательной старины. Нравоописания панорамной литературы не ограничивают себя в использовании понятия старости, их дискурс более антропоцентричен и более разнообразен. Так, метафоры старости и древности могут функционировать как своего рода диагностический признак, характеризующий (наряду с другими) панорамную и туристическую литературу.

BIBLIOGRAPHY

Корпус

Башуцкий Александр, 1834, *Панорама Санктпетербурга*, ч. 3, Санкт-Петербург, типография вдовы Плюшара с сыном.

Гельвальд Фридрих фон, 1898, *Земля и её народы в 4-х томах*, т. 3, Санкт-Петербург, издание П. П. Сойкина.

Горлов К., 1906, *Париж в 14 дней, с приложением плана Парижа и словаря необходимых слов и фраз на 3-х языках*, 7-ое изд., Санкт-Петербург, издание Н. С. Аскарханова.

Дмитриев Иван, 1839, *Путеводителя от Москвы до Санктпетербурга и обратно, сообщаящий исторические, статистические и другие сведения о замечательных городах, местах и предметах, находящихся по дороге между обеими столицами*, Москва, Университетская типография.

Еленин Евгений, 1901, *Ялта и окрестности*, Ялта, издание книжного магазина Волковой.

Иванов П., 1903, *Студенты в Москве. Быт, нравы, типы*, 2-ое изд., Москва, типография Штаба Московского военного округа.

Лагов Николай, 1913, *Главные курорты Франции*, Санкт-Петербург, типография «Печатный труд».

Леонард Н., 1893, *В Чикаго на выставку. Путеводитель по Нью-Йорку, Чикаго и Всемирной Колумбовой выставке*, Санкт-Петербург, типография С. Ф. Яздовского и Ко.

ЛМР, 1915, *Лечебные местности России*, Петроград, издание Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей.

Люцэрн, 1900, *Люцэрн, озеро четырех кантонов и большие экскурсии по Швейцарии. Путеводитель, составленный Д. Федоровым, при содействии А. Рамзауэрха*, изд. 3-е, изданный Официальным справочным бюро г. Люцэрна.

Мержеевский Владислав, Мержеевский Гонзаго, 1914, *Грязелечебница «Ромасаар»*. Путеводитель на грязи и морские купанья в Аренсбурге, Варшава, типография К. Ковалевского.

Михневич Владимир, 1881, *Варшава и варшавяне, наблюдения и заметки*, Санкт-Петербург, типография Ф. Сущинского.

Михневич Владимир, 1891, *Москвичка. Роман-фельетон. Заграницей (Из путевых впечатлений)*, Санкт-Петербург, Калашниковская типография А. Трунова.

МКП, 1883, Москва. Картина-путеводитель с описанием достопримечательностей города, Санкт-Петербург, издательство К. Котельникова и П. Дворковича.

Москвич Григорий, 1903, *Практический путеводитель по Санкт-Петербургу и его окрестностям*, Одесса, типография Южно-Русского общества печатного дела.

Ненашев Алексей, 1900, *В Париж на выставку. Путеводитель по Западной Европе, Парижу и Всемирной выставке 1900 года*, Москва, товарищество типо-литографии Владимир Чичерин.

ПК, 1866, <Мурзакевич Николай>, *Путеуказатель южного берега Крыма*, Одесса, гор. типография содержателя Х. Алексомати.

ПП, 1900, *Путеводитель по Парижу, выставке, его окрестностям, Берлину и Вене*, Санкт-Петербург, изд. М. С. Персона, товарищество И. П. Табурно и Ко.

РГ, 1911, *Русский за границу. Путеводитель по Западной Европе для Русских путешественников*, Берлин, Генрих Каспари.

Святловский В., 1902, *Южный берег Крыма и Ривьера*, Санкт-Петербург, издание А. С. Суворина.

Скавронский Н. <Ушаков Александр>, 1866, *Очерки Москвы*, вып. 2, *Физиология города и общества*, Москва, в типографии П. Бахметева.

Филиппов С. (ред.), 1907, *Западная Европа. Спутник туриста*, Москва, издатели А. А. Левенсон, Гроссман и Кнебель.

Тунеев В. <Чачков Василий>, 1876, *Ницца, ее климат, местоположение, жизнь*, Санкт-Петербург, типография М. Стасюлевича.

Швейцария, 1911, *Иллюстрированный путеводитель*, Санкт-Петербург, типография Кюгельген, Глич и Ко.

Библиография

Benjamin Walter, 1989, *Paris, capitale du XIXe siècle : le livre des passages*, Paris, Cerf.

Konrad Hedwig, 1958, *Étude sur la métaphore*, 2e éd., Paris, J. Vrin.

James Constantin, 1854, *Guide pratique du médecin et du malade aux eaux minérales de France, de Belgique, d'Allemagne, de Suisse, de Savoie, d'Italie, et aux bains de mer*, 3e éd., Paris, Librairie de Victor Masson.

Pliny the Elder, 1963, *Natural history. Naturalis historia*. In 10 vol., with an English translation, vol. VIII, books 28-32. Translated by W. H. S. Jones, Cambridge, Harvard University Press, London, Heinemann, Loeb Classical Library.

Ricœur Paul, 1975, *La métaphore vive*, Paris, Seuil.

Rigoli Juan, 2007, « Le “roman de la médecine” », *Littérature et médecine : approches et perspectives*, XVIe-XIXe siècle. Sous la dir. d'A. Carlino et A. Wenger, Genève, Droz, p. 199-228.

Stiénon Valérie, 2012, *La Littérature des physiologies : Sociopoétique d'un genre panoramique (1830-1845)*, Paris, Classiques Garnier.

Башуцкий Александр, 1841, *Наши, списанные с натуры русскими*, ч. 3, Санкт-Петербург, изд. Я. А. Исакова, Москва, Книга, репринт 1986.

Дмитриева Екатерина, 2014, «“Дьявол в Париже” — литературный жанр или ранняя семиотика города?», *Семиотика города*. Ред. Л. В. Кузнецова, И. А. Пильщиков, Н. В. Поселягин, М. В. Трунин, Таллинн, ТЛУ, с. 241-264.

Лермонтов Михаил, 1891, *Панорама Москвы*, Сочинения М. Ю. Лермонтова, под ред. П. В. Быкова, т. II, Петербург, изд. С. Добродеева, с. 296-299.

Лотман Юрий, 1994, «Лекции по структуральной поэтике», Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, Москва, Гнозис.

Мильчина Вера, 2017, *Париж в 1814-1848 годах: Повседневная жизнь*, Москва, Новое литературное обозрение.

Морозов М. А., Якименко Н. Е., 2022, *Словарь топонимических перифраз. Названия российских городов (на материале современной публицистики)*, Санкт-Петербург, Алетейя.

NOTES

1 Подробно об истории топонимических перифраз Санкт-Петербурга: Морозов, Якименко, 2022: 161.

2 Данное сочинение по российской словесности написано Лермонтовым в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1834 году. В 1841 году «физиологический» сборник Башуцкого (чья *Панорама Санктпетербурга* вошла в наш корпус) *Наши, списанные с натуры русскими* анонсировал публикацию продолжения, включающего очерк Лермонтова *Кавказец* [Башуцкий, 1841].

3 Во французском путеводителе по минеральным водам Европы географическая связь между Wiesbaden и Mattiacus / Mattiacum Плиния Старшего фигурирует в качестве гипотезы [James, 1854 : 319]. В *Естественной истории* Плиния «fons/fontes» — не часть «имени», а нарицательное существительное «источники»: «Sunt et Mattiaci in Germania fontes calidi trans Rhenum, quorum haustus triduo fervet, circa

margines vero pumicem faciunt aquae » (книга XXXI, глава 17) [Pliny, 1963 : 390].

ABSTRACTS

Русский

Панорамная литература, представленная физиологическими очерками, описаниями нравов, бытовыми картинками, и практическая литература путешествий (путеводители, справочники, туристические указатели) в силу своих особенностей по-разному описывают пространство. Среди стилистических приемов, которыми пользуются авторы путеводителей и очерков нравов, немаловажное место занимает метафорическая персонификация. Наделение географических мест человеческими свойствами включает в себя и характеристики по возрасту. В путеводителях метафоры, связанные с возрастом, отличаются от подобных метафор в физиологических очерках. Сравнительный анализ образов старости в этих текстах представляет интерес для описания жанровых особенностей как утилитарного путеводителя, так и «социокультурных» физиологий.

Français

La littérature panoramique, constituée par les essais physiologiques, les descriptions de mœurs, les tableaux tirés de la vie quotidienne et la littérature pratique de voyage (guides, manuels touristiques), en raison de ses spécificités, témoigne d'un intérêt particulier pour les descriptions de l'espace. Parmi les moyens stylistiques mis en œuvre par les auteurs de ces ouvrages, la personnification métaphorique occupe une place de choix. Lorsque les lieux géographiques sont dotés de caractéristiques humaines, ces caractéristiques peuvent se référer à l'âge. Les métaphores relatives à l'âge qu'emploient les guides se distinguent de celles des essais physiologiques. L'analyse comparée de ce corpus aide à définir les enjeux génériques des guides utilitaires et de la poétique des physiologies aux ambitions « socio-culturelles ».

English

On account of its specific features, panoramic literature represented by physiological essays, descriptions of manners, tableaux drawn from everyday life and practical travel literature such as guidebooks and tourist manuals particularly focus on spatial descriptions. Among the stylistic devices used by the authors of these works, metaphorical personification occupies a special place. When geographical places are endowed with human features, these characteristics sometimes refer to age. The age-related metaphors used in panoramic literature are distinct from those found in the physiological essays. A comparative analysis of these examples

helps shed light on the generic issues at stake in travel guides and the poetics of panoramic literature.

INDEX

Mots-clés

guide, voyage, littérature panoramique, physiologies, genre, vieillesse

Keywords

guidebook, travel, panoramic literature, touristic literature, physiology, genre, old age

Ключевые слова

путеводитель, путешествие, панорамная литература, физиологический очерк, жанр, старость

AUTHOR

Yana Payoli

Doctorante à l'université Jean Moulin Lyon III, membre du Centre d'études linguistiques — Corpus, discours et sociétés ; domaines de recherche : littérature de voyage, guides touristiques, pèlerinages